

Содержание

Глава 1. Смерть героя.	3
Глава 2. Заседание в Словарном зале	15
Глава 3. Шагающий ящик.	38
Глава 4. Мартен Латуш	61
Глава 5. Эксперимент № 3	81
Глава 6. Мертвящая песнь.	85
Глава 7. Тайна Тота	95
Глава 8. Бессмертия во Франции поубавилось	119
Глава 9. Во Франции всегда найдется храбрый и здравомыслящий гражданин, который посрамит своим примером глупую толпу	124
Глава 10. Крестная мука	138
Глава 11. Ужасное явление	144
Глава 12. Надо быть вежливым со всеми, особенно во Французской Академии.	160
Глава 13. В поезде.	168
Глава 14. Душераздирающий человеческий крик.	172
Глава 15. Подвал	176
Глава 16. Собственными ушами	182
Глава 17. Несколько изобретений Дэдэ	187
Глава 18. Тайна великого Лустало.	202
Глава 19. Триумф г-на Лалуэта.	211

Глава 1

Смерть героя

- Поскорей бы все кончилось...
- Да уж. Но говорят, он вообще ничего не боится!..
- Дети у него есть?
- Нет! И он вдовец к тому же!..
- Тем лучше!
- Все-таки будем надеяться, что он не погибнет. И давайте поспешим!

Услышав эти мрачноватые речи, г-н Гаспар Лалуэт, почтенный человек, торговец картинами и антиквариатом, вот уже десять лет проживавший на улице Лаффит, а сегодня вышедший прогуляться по набережной Вольтер, чтобы порыться на лотках продавцов старинных гравюр и прочей древней рухляди, поднял голову...

И в тот же миг столкнулся с кучкой молодых людей в студенческих беретах, выскочивших из-за угла улицы Бонапарт. Молодые люди, не переставая болтать, слегка оттеснили его в сторону на

узком тротуаре и продолжили свой путь, даже не дав себе труда мало-мальски извиниться.

Опасаясь быть втянутым в неприятную ссору, г-н Гаспар Лалуэт подавил в себе досаду, вызванную подобной невежливостью, и рассудил, что студенты, вероятно, торопились на какую-то дуэль, роковой исход которой и обсуждали во всеуслышанье.

И он продолжил внимательно изучать некий выставленный в витрине ларчик с геральдическими лилиями, выглядевший так, будто относился ко временам Людовика Святого¹, и, быть может, некогда заключал в себе молитвенник или четки самой Бланки Кастильской². Но тут сзади него опять раздался голос:

— Что бы там ни говорили, а он действительно храбрец!

Другой голос ответил:

— Я слышал, он три раза обошел вокруг света! Но все же, честно говоря, не хотел бы я оказаться на его месте! Только бы не опоздать!

Г-н Лалуэт обернулся. Два старичка проследовали мимо него в сторону Академии, ускоряя шаг.

«Однако! — подумал г-н Лалуэт. — Неужто и старики вдруг так же очумели, как и те молодчики? — (самому-то г-ну Лалуэту было около сорока пяти лет — возраст не молодой, но и не старый). — Эти

¹ Людовик IX Святой (1214–1270) — французский король, организатор и участник двух крестовых походов.

² Бланка Кастильская (1188–1252) — французская королева, мать Людовика Святого.

двое, похоже, бегут на то же злополучное свидание, что и давешние студенты».

Рассуждая таким образом, он приблизился к повороту на улицу Мазарини, и, возможно, двинулся бы по этому извилистому пути, но тут четверо солидных господ, в которых по долгополым сюртукам, цилиндрам и сафьяновым портфелям подмышкой за версту можно было распознать профессоров, внезапно выскочили перед ним, всюю крича и размахивая руками.

— Все равно вы не заставите меня поверить, что он не написал завещание!

— Если он этого не сделал, то зря!

— Говорят, он не раз смотрел смерти в лицо!

— А когда друзья пришли его отговаривать, выставил их за дверь!

— Но, может, он все-таки одумается в последний момент?

— Вы что, считаете его трусом?

— Смотрите! Вон он! Вон он!

И четыре профессора припустили бегом через улицу, потом свернули на набережную, направо, к мосту Искусств.

Г-н Гаспар Лалуэт более не колебался. Он напрочь забыл о старом хламе в витринах. Теперь им двигало одно лишь любопытство — поскорее выяснить, что же за человек собирался рискнуть жизнью при обстоятельствах и по причинам ему, Гаспару Лалуэту, еще неизвестным, но которые он уже готов был счесть чрезвычайно героическими.

Он устремился напрямик под арки Академии, пытаясь догнать профессоров, и вскоре очутился на маленькой площади, украшенной одним-единственным монументальным зданием, покрытым сверху чем-то вроде колпачка, который все называли попросту «куполлом». Сейчас площадь кишмя кишела народом. Теснились экипажи, кричали, переругиваясь, кучера и разносчики. Под аркой, ведущей в первый двор Академии, шумная толпа окружала какого-то человека, который, казалось, с трудом вырывался из ее восторженных объятий. Четверо профессоров были уже там и вместе со всеми воодушевленно вопили: «Браво!»

Г-н Гаспар Лалуэт со шляпой в руке протолкался к одному из этих господ и весьма застенчиво спросил, не соблаговолит ли тот объяснить ему, что тут, собственно, происходит?

— Э? Да вы что, сами не видите? Это же капитан первого ранга Максим д'Ольнэ!

— Он собирается драться на дуэли? — осведомился г-н Лалуэт с самой подобострастной почтительностью.

— Да нет же! С какой стати? Он сейчас будет произносить речь по поводу своего избрания во Французскую Академию! — ответил профессор крайне раздраженно.

Тут по толпе прокатилась волна и г-на Лалуэта отрезало от профессоров. Оказалось, что друзья Максима д'Ольнэ, проводив его до самых дверей, пытаются теперь напористо, но безуспешно прорваться в зал публичных заседаний. Образовался

затор, поскольку входные билеты при такой давке потеряли всякое значение. В убытке оказались даже самые предусмотрительные, заранее нанявшие кого-нибудь, чтобы им «держали» места. Нанятые, придя ради других, остались ради самих себя, пригвожденные к чужому месту любопытством, которое сумело превозмочь даже собственную выгоду. Меж тем к г-ну Лалуэту, загнанному толпой в когтистые лапы смиренного каменного льва, охраняющего врата Бессмертия, обратил свою речь некий перекупщик. Он сказал:

— Сударь, ежели хотите войти, то с вас двадцать франков.

Г-н Гаспар Лалуэт, хоть и будучи всего лишь торговцем картинами и старой рухлядью, питал глубочайшее почтение к изящной словесности. Он и сам не чуждался литературных трудов и даже опубликовал в свое время парочку своих работ, ставших гордостью всей его жизни. Одна была посвящена изучению подписей знаменитых художников и способам установления подлинности их полотен, другая — об искусстве обрамления картин. Вследствие этого он был официально уведомлен, что Французская Академия «отмечает» его заслуги. Но, тем не менее, в самой Академии он никогда не бывал и, тем более, никогда и помыслить не мог, что публичное заседание этой самой Академии может превратиться в свалку, которую наблюдал вот уже более четверти часа. Равным же образом в его голове не укладывалось: почему для приема в Академию желательно быть вдовцом, не иметь

детей и заранее составить завещание? Короче, он отдал свои двадцать франков и, получив по пути тысячу тумачов, добрался до некоего возвышения, которое было битком набито людьми, пристально глядящими в зал.

И тут под своды вступил Максим д'Ольнэ.

Он шел чуть бледный, прикрытый с боков своими восприемниками, графом де Брэ и профессором Палезо, еще более бледными, чем он сам.

Долгая судорога всколыхнула ряды собравшихся. Женщины, присутствовавшие здесь во множестве, и принадлежавшие по большей части к самому изысканному обществу, не смогли удержать бурных проявлений восхищения и жалости. Какая-то богобоязненная вдовица истово перекрестилась. Все повскакали с мест, всех охватило чувство бесконечного благоговения, словно сама Смерть витала над ними.

Прибыв на свое место, новообращенный уселся меж двумя своими телохранителями, потом вскинул голову и твердым взором обвел всех собравшихся — коллег, публику, президиум, пока, наконец, не остановился на удрученном лице того из членов знаменитого Братства, которому выпала обязанность приветствовать его.

Обычно этот последний являлся на заседание с самым зверским лицом, предвещавшим всевозможные литературные каверзы, затаенные в недрах его приветственной речи. Но сегодня у него была сочувственная физиономия исповедника, пришедшего напутствовать осужденного в его последние минуты.

Г-н Лалуэт, не переставая изучать повадки этого странного племени, облаченного в дубовые листья¹, старался не упустить ни словечка из того, что говорилось вокруг. А говорилось вот что:

— Ах! Жан Мортимар, *бедняга*, был так же молод и красив, как и *этом!*

— И так счастлив, что его избрали!

— А помните, как он встал, чтобы произнести свою речь?

— Казалось, будто сияет! Он был так полон жизни...

— Что бы там ни говорили, но естественной *такую* смерть не назовешь!

— Нет, нет, ни в коем случае!

Г-н Гаспар Лалуэт не мог более сдерживаться, чтобы не спросить, о какой смерти твердят все вокруг. Он повернулся к своему соседу и неожиданно узнал в нем профессора, от которого недавно получил суровую отповедь. Впрочем, и в этот раз профессор не слишком церемонился:

— Вы что, милейший, газет не читаете?

Увы, нет! Г-н Гаспар Лалуэт газет действительно не читал. И имел для этого вполне вескую причину, о чем нам еще представится случай поговорить, и о которой сам он вовсе не собирался

¹ Шутка автора. Парадный мундир академика (согласно постановлению Консулата от 13 мая 1801 г.) украшен шитьем в виде не дубовых листьев, а *оливковых ветвей*, чего Гастон Леру, сам баллотировавшийся в Академию, не мог не знать. Как впрочем, и любой мало-мальски образованный французский читатель.

кричать на каждом углу. Однако из-за того, что газет он все-таки не читал, тайна, к которой ему довелось приобщиться за двадцать франков под аркой Академии, с каждым мгновением сгущалась все больше. Вследствие этого он не понял причин поднявшегося ропота, когда некая дама благородного облика вошла в заранее приготовленную для нее ложу. Все зашумукались, что это «та самая красотка, г-жа де Битини». И все решили, что это настоящая наглость. Г-н Лалуэт опять не смог понять почему. Дама с холодной надменностью обвела взором публику, обратила несколько кратких слов сопровождавшим ее молодым людям и направила свой лорнет прямо на Максима д'Ольнэ.

— Она же его сглазит! — вскрикнул кто-то.

И многоголосое эхо принялось повторять:

— Да, да, она его сглазит! Сглазит!

Г-н Лалуэт спросил: «Почему она должна его сглазить?», но не получил ответа. Единственное, что он смог выяснить более-менее определенно, было следующее: человека, готовившегося произнести речь, звали Максим д'Ольнэ, он был капитаном первого ранга и написал книгу, озаглавленную «Путешествие вокруг собственной каюты». Он был недавно избран в Академию, и ему предстояло занять в ней кресло, ранее принадлежавшее монсеньору д'Абвилю¹. Но тут опять начались

¹ Во Французской Академии всегда состоит ровно сорок пожизненных членов, поэтому соответственно прием нового члена происходит лишь после смерти одного из них. А поскольку число сорок остается неизменным, академиком величают Бессмертными

всякие загадки с воплями и неистовыми жестами. Публика, повскакав со своих мест, кричала что-то в таком духе:

— ...*Как тот, другой!! Ах, письмо!.. Не вскрывайте! Как тот, другой!..*

Г-н Лалуэт наклонился и увидел служителя, подающего письмо Максиму д'Ольнэ. Появление этого служителя с письмом сослужило весьма дурную службу: публика пришла в совершенное неистовство. Одни лишь члены президиума пытались сохранить некоторое хладнокровие. Однако видно было, как г-н Ипполит Патар, непремный секретарь Академии, трепещет всеми своими дубовыми листьями.

Что касается Максима д'Ольнэ, то он встал, принял письмо из рук служителя и вскрыл его. Он улыбался, слушая все эти вопли. А поскольку церемония еще не началась по причине ожидания отсутствующего г-на канцлера, то он прочел письмо и опять улыбнулся. И тогда на трибунах все повторили:

— *Улыбается! Он улыбается! Тот, другой, тоже улыбался!..*

Максим д'Ольнэ передал письмо своим воспримникам, и уж они-то точно не улыбались. Вскоре текст письма был у всех на устах, а поскольку, передаваясь из уст в уста, он облетел весь зал, то и г-н Лалуэт смог ознакомиться с его содержанием: «Бывают путешествия и более опасные, чем вокруг собственной каюты!»

Казалось, содержание письма доведет возбуждение публики до крайности, но тут ледяной голос

председателя, сопровождаемый звоном колокольчика, объявил, что заседание открыто. И трагическая тишина повисла в зале.

Максим д'Ольнэ уже вскочил на ноги — не просто храбро, а даже дерзко.

И вот он принимается читать свою речь.

Он читает ее глубоким, звучным голосом. Сначала благодарит, без тени угодливости, достойное Братство за честь, оказанную ему своим выбором. Потом, после краткого упоминания о горе, которое недавно потрясло Академию до самых ее основ, начинает говорить о монсеньоре д'Абвиле...

И говорит... говорит...

Рядом с г-ном Лалуэтом профессор бормочет фразу, которую г-н Лалуэт относит (ошибочно, впрочем) на счет чрезмерной долготы самой речи: *«Этот протянул дольше, чем тот...»*

А *этот* все говорит, и кажется, что публика начинает дышать свободнее. Слышны вздохи облегчения, женщины улыбаются так, словно только что избежали большой опасности...

А он все говорит, и ни единое непредвиденное происшествие не прерывает его.

Он приближается к концу своего похвального слова монсеньору д'Абвилю и тут оживляется. Он даже горячится, когда по поводу дарований выдающегося прелата излагает несколько общих идей о священном красноречии. Ораторствуя, он напоминает собравшимся о нескольких нашумевших проповедях монсеньора д'Абвиля, навлекших на

него мирские громы и молнии за отсутствие якобы должного почтения к человеческой науке...

Тут движения новоиспеченного академика приобретают непривычную размахистость, словно и сам он вознамерился бичевать эту жалкую науку, дочь нечестия и гордыни.

И в восхитительном порыве, который (конечно же!) вовсе не академичен, но от этого еще более прекрасен, ибо выдает моряка старого закала, Максим д'Ольнэ восклицает:

— Уже шесть тысячелетий томится Прометей, пригвожденный божественной карой к скале! Вот почему я не из тех, кого страшат людские громы и молнии! Я боюсь лишь грозы Божией!

Едва успел несчастный произнести эти слова, как все вдруг увидели, что он покачнулся, отчаянным жестом вскинул руку к лицу и... рухнул с трибуны во весь рост.

Стон ужаса взметнулся под купол... Академики всей гурьбой бросились к павшему... Склонились над недвижным телом...

Г-н д'Ольнэ был мертв!

И понадобились нечеловеческие усилия, чтобы заставить толпу очистить помещение.

Итак, он умер, как и за два месяца до него посреди торжественной церемонии приема в академики скончался Жан Мортимар, поэт, автор «Трагических ароматов», первый претендент на кресло монсеньора д'Абвиля. Он тоже получил письмо с угрозой, принесенное в Академию рассыльным, которого потом безуспешно пытались найти.

Письмо гласило: «Ароматы порой бывают трагичнее, чем об этом думают!» А Мортимар, прочитав его, спустя несколько минут кувыркнулся с трибуны. Все это с сомнительной точностью выяснил г-н Гаспар Лалуэт, слушая жадным ухом безумные речи, которые велись в толпе, только что переполнявшей зал публичных заседаний Академии, а теперь выплеснувшейся на набережные в неопишемом смятении. Г-н Лалуэт был бы не прочь разузнать поподробнее, почему после кончины Жана Мортимара все так опасались несчастья с Максимом д'Ольнэ. Он отчетливо расслышал, как говорили о чьем-то мщении, но в выражениях столь нелепых, что он не придал этому никакого значения. Тем не менее, он счел своим долгом, хотя бы ради очистки совести, спросить имя того, кто решился на месть в столь необычных обстоятельствах. И получил в ответ такой странный набор созвучий, что всерьез решил, уж не смеются ли над ним. А поскольку уже вовсю близилась ночь (дело было в середине зимы), то он рассудил за лучшее вернуться домой, пройдя через мост Искусств, где несколько припозднившихся академиков и их приглашенных, все глубоко взволнованные ужасным совпадением, унесшим жизнь двоих собратьев, тоже торопились поскорее добраться до дому.

Однако, прежде чем нырнуть в тень, которая уже ступила над площадью Карузель, он спохватился и, остановив одного из этих господ, сходящих с моста Искусств, чья нервная поход-

ка все еще выдавала недавнее потрясение, спросил его:

— В конце концов, сударь! От чего он все-таки умер?

— Врачи говорят, от сердечного приступа.

— А тот, другой, от чего умер?

— Врачи говорят, от кровоизлияния в мозг.

Но тут между собеседниками легла некая тень и чей-то голос произнес:

— Враки! Оба умерли, потому что захотели сесть в *Заколдованное кресло!*

Г-н Лалуэт попытался было удержать эту тень за тень ее рукава, но она уже исчезла...

И он вернулся домой в глубокой задумчивости.

Глава 2

Заседание в Словарном зале

На следующий день после этих злополучных событий непременный секретарь Академии г-н Ипполит Патар вступил под арку Академии когда часы били полдень. Привратник встретил его на пороге своей каморки. Он протянул г-ну непременному секретарю его почту и сказал:

— Вы сегодня раньше всех, господин непременный секретарь. Еще и нету никого.

Г-н Ипполит Патар взял свою почту, которая была довольно увесистой, и явно собрался продолжить свой путь, не ответив ни слова честному малому.

Тот удивился:

— У господина неперменного секретаря сегодня озабоченный вид. Оно и понятно — тут все нынче как на иголках, *после вчерашнего-то!*

И тут привратник совершил промах, добавив:

— А господин неперменный секретарь уже читал в сегодняшней «Эпохе» про *Заколдованное кресло?*

Надобно заметить, что г-н Ипполит Патар имел особенность существовать как бы в двух ипостасях. В одной он был свежим розовым старичком, улыбчивым, радушным, приветливым, обаятельным, которого все в Академии величали запросто «мой добрый друг», исключая прислугу, разумеется, хотя и для нее он был образцом обходительности. Зато в другой своей ипостаси он предстал перед окружающими как маленький сухопарый старикашка, желтый как лимон, нервный, злой и раздражительный. В такие минуты даже лучшие друзья обращались к нему не иначе, как «господин неперменный секретарь» и старались не попадаться под руку. Слугам тоже с ним было не по себе. Этот феномен объяснялся тем, что г-н Ипполит Патар так любил Академию, что буквально разрывался пополам, чтобы служить ей, лелеять ее и защищать. Счастливые дни, дни великих академических триумфов, прекрасных торжеств, вручений наград «за заслуги» бывали отмечены Патаром розовым; а несчастливые дни, когда какой-нибудь грязный писака осмеливался не проявить должной почтительности пред Академией, этим божествен-